

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ГЕРМАНИИ В ПОДГОТОВКЕ АРМИЙ АФГАНИСТАНА, МАЛИ И УКРАИНЫ

Филипп ТРУНОВ
ИНИОН РАН

Аннотация: Участие государства в подготовке кадров вооруженных сил (ВС) другой страны является способом обеспечения в ней долгосрочного стратегического присутствия. При этом высоки имиджевые и практические риски в случае отказа реципиента от иностранных военных инструкторов, советников. В статье предпринята попытка изучить особенности использования данного инструмента на примере участия ФРГ в обучении сухопутных войск Афганистана, Мали и Украины. Кейсами избраны миссии *ISAF* (2002–2014) и *Resolute Support* (2015–2021), *EUTM Mali* (2013–2022), *EUMAM* (с декабря 2022 г.). Сопоставление с обращением к теории строительства ВС ведется по 25 критериям, разбитых на 5 групп.

Исследуются исторические особенности функционирования национальных ВС трех изучаемых стран, стратегические приоритеты «западных демократий» в период деятельности каждой из миссий, отношение к ним России. Объясняется, почему именно эгида НАТО или ЕС была выбрана в том или ином случае. Приводится оценка количественных параметров участия самого бундесвера в обучении местных кадров, их различные числовые характеристики. Раскрываются особенности организации обученных сил, их состава, сроки и схемы подготовки, тактики использования в боевых действиях. Делается вывод о стремлении ФРГ компенсировать запуском нового военно-тренировочного трека «узкие места» и (или) вынужденную потерю предыдущих направлений деятельности по реформе сектора безопасности.

Ключевые слова: ФРГ, бундесвер, инструкторы, советники, подготовка кадров, реорганизация, тактики, военное присутствие, НАТО, ЕС, Россия, конфронтация

Участие внешнего актора в реформе сектора безопасности, особенно вооруженных сил (ВС) другой страны, одновременно открывает для него большие перспективы и может вызвать серьезные проблемы во внешней политике. К возможностям относится закрепление в положении старшего партнера. Вероятным становится ускоренное приближение к его стандартам страны, чья «военная машина» проходит через преобразования. Это должно

Филипп Олегович Трунов – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел Европы и Америки, ИНИОН РАН.
ORCID 0000-0001-7092-4864. E-mail: 1trunov@mail.ru
117418, Москва, Нахимовский проспект 51/21.

Поступила в редакцию: 27.11.2023

Принята к публикации: 20.05.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

обеспечить оперативную совместимость ВС двух игроков. Государство-организатор через институт инструкторов и советников получает возможность влиять на эволюцию стратегической культуры партнера, встроенный контроль над процессом принятия им решений в сфере безопасности и обороны. Обучение кадров ВС внешним игроком может продолжаться длительное время (до нескольких десятилетий), часто не создавая выраженного эффекта иностранного присутствия.

Вместе с тем недостаточная эффективность тактик обучения, досрочное вынужденное завершение данного процесса по требованию реципиента военных специалистов наносит заметный урон государству, их направившему. Расшатывается его имидж и фактическое положение как гаранта безопасности на соответствующем региональном и глобальном уровнях.

Проведение эффективной реформы сектора безопасности с привлечением внешнего актора наиболее актуально для стран, на территории которых либо уже идут боевые действия, либо с высокой долей вероятности могут начаться. Организатором преобразований чаще всего становятся державы различного уровня. Это актуально как для уже утвердившихся в данном статусе игроков, так и для «восходящих». К числу последних относится ФРГ, которая с начала XXI века настойчиво стремилась диверсифицировать географию и формы небоевого использования бундесвера. Если до середины 2010-х гг. Германия в числе других «западных демократий» фокусировалась на деятельности в нестабильных странах Азии и Африки (прежде всего, в Афганистане и Мали), то затем произошел разворот в сторону «сдерживания» России, что включало разноаспектную поддержку официального Киева.

Настоящая работа – попытка исследовать в компаративистском ключе процессы подготовки с вовлечением персонала бундесвера кадров сухопутных войск Афганистана, Мали и Украины. Проводится сравнительный анализ по определенным автором 25 критериям, распределенным по 5 группам, с использованием положений теории строительства вооруженных сил (Пронько, 2000). Отечественные и иностранные специалисты изучали стратегическую активность Германии, игроков «коллективного» Запада в целом на каждом из указанных направлений по отдельности (Новикова, 2022; Сидоров, 2022; Glatz & Kaim, 2020; Tull, 2023). Однако пока критически мало работ, посвященных сопоставлению усилий ФРГ на всех трех треках, особенно непосредственно в деле реформ ВС.

Хронология и общие особенности трех кейсов

Хронологически три изучаемых сюжета накладываются друг на друга лишь частично, хотя де-факто являются продолжением один другого. Участие бундесвера в обучении кадров ВС осуществлялось в Афганистане в 2002–2021 гг., в Мали – 2013–2022 г. (де-факто до 2023 г.), на Украине – с конца 2022 г. В качестве **конкретных кейсов** избраны следующие многонациональные миссии с участием бундесвера: в Афганистане сменявшие друг друга *ISAF* (до 2014 г.) и *RSM (Resolute Support)*, в Мали – *EUTM Mali*, на Украине – *EUMAM*.

Участие в реформе сектора безопасности ФРГ расценивала как важные меры поддержки официальных властей (части элит), которые рассматривались в качестве фокусного партнера «западных демократий»¹. Данное руководство должно было обеспечить завершение конфликта в соответствии с интересами государств-членов НАТО и ЕС. Поэтому значим **политико-дипломатический вклад ФРГ в урегулирование конфликта**, способствующий легитимизации дружественных центральных властей страны. В случае Афганистана Германия стала организатором Боннского процесса, особенно межнациональных (без участия «Талибана»^{*2}) переговоров в декабре 2001 г., на которых согласовано образование новых властей. В дальнейшем, в 2003–2012 гг., ФРГ выступила одним из учредителей провинциальных восстановительных команд, которые должны были содействовать воссозданию органов управления на местном уровне³. В 2014–2015 гг. Германия и Франция стали координаторами межмалийских (между официальным Бамако и «умеренными» туарегами) соглашений. В их основу заложена схема сохранения территориальной целостности страны в обмен на предоставление расширенных прав северным районам⁴, то есть их автономизации.

Данные принципы были зафиксированы уже в соглашении «Минск-2» как «дорожной карте» по урегулированию на Украине (февраль 2015 г.), гарантами которого от «западных демократий» стали Германия и Франция. Однако лишь после начала вынужденной СВО России уже экс-канцлер А. Меркель признала, что «Минск-2» был нацелен на обеспечение выигрыша во времени для военного усиления Киева⁵. Заявление во многом объясняло «пробуксовывание» в имплементации соглашения (2015) все последующие 7 лет после его подписания. Формула автономизации не была реализована не только официальным Киевом, но и Бамако, что явилось «узким местом» усилий германской дипломатии.

Уверенность в контролируемости хода урегулирования у официального Берлина, согласно документам Бундестага, для Афганистана сохранялась до начала 2010-х гг., Мали – до конца 2010-х гг. В обоих случаях одной из ключевых мер, нацеленных на недопущение утраты нитей управления процессом, стало увеличение численности инструкторов ФРГ^{6,7}. Миссия EUMAM была запущена в конце 2022 г.⁸ на фоне определенного продвижения ВСУ, с целью

¹ См., например: The Bundeswehr on operations (2009). Berlin, *Ministry of Defence*: 80–82.

² Здесь и далее (*) обозначены запрещенные в России организации.

³ The Bundeswehr on operations (2009) Berlin, *Ministry of Defence*: 80–82.

⁴ Antrag der Bundesregierung (2016) *Deutscher Bundestag*, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7206, 06.01: 3–5.

⁵ *Die Zeit* (2022) "Hatten Sie gedacht, ich komme mit Pferdeschwanz?". 7 December. Available at: <https://www.zeit.de/2022/51/angela-merkel-russland-fluechtlingskrise-bundeskanzler> (accessed 25 November 2023).

⁶ Antrag der Bundesregierung (2010) *Deutscher Bundestag*, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/654, 09.02: 2–6.

⁷ Antrag der Bundesregierung (2020) *Deutscher Bundestag*, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/19002, 06.05: 2–6.

⁸ *European Union External Action* (2020) About EU Military Assistance Mission in support of Ukraine (EUMAM Ukraine). 8 December. Available at: https://www.eeas.europa.eu/eumam-ukraine/about-eu-military-assistance-mission-support-ukraine-eumam-ukraine_en (accessed 25 November 2023).

подготовки более масштабного наступления. Оно должно было обеспечить контроль над ситуацией для официального Киева и поддерживавших его западных правительств.

Важно понимать **состояние** (оконченное или продолжающееся) **военно-тренировочной деятельности ФРГ**, в случае прекращения – **характер** (вынужденный или добровольный) этого для Германии. В Афганистане работа инструкторов и советников бундесвера прекратилась к июлю 2021 г. как часть экстренной эвакуации сил *RSM* в условиях разворачивавшегося наступления «Талибана»*. Оно стало масштабным и стремительным на фоне реализации «сделки» между движением и аппаратом Д. Трампа от 29 февраля 2020 г. (предполагала вывод войск США). После некоторой паузы уже администрация Дж. Байдена в апреле 2021 г. приняла решение в пользу имплементации договоренностей (2020 г.). До этого на протяжении года власти Германии проявляли настойчивость в сохранении своих инструкторов и советников в Афганистане (Glatz, Kaim, 2020: 2–6). В Мали в ситуации прихода к власти местных военных (в августе 2020 г. и окончательно в мае 2021 г.), которые выразили недовольство результатами действий Франции и ее партнеров, в том числе работой *EUTM Mali*, официальный Берлин также старался сохранить своих инструкторов (Tull, 2023). Однако 5 апреля 2022 г. ФРГ на уровне ЕС согласилась с решением об окончании работы миссии, обозначив его как временное и обратимое⁹, на практике завершив вывод к 2023 г. Миссия *EUMAM* продолжается, однако можно подводить промежуточные итоги: войска, предназначавшиеся для участия в летнем наступлении официального Киева (2023), не только обучены, но и введены в бой, не добившись, впрочем, заметных результатов.

Фоновые условия для военно-тренировочной деятельности ФРГ

Для осмысления особенностей и итогов участия внешнего игрока в форме сектора безопасности на территории страны значим **исторический опыт строительства национальных вооруженных сил**. До середины XX века в Афганистане ключевую роль играли достаточно боеспособные племенные ополчения у пуштунов. Они применяли партизанские (повстанческие) тактики (Слинкин, 2019), успешность которых была продемонстрирована в ходе войн Великобритании в стране (1839–1842 гг.; 1878–1880 гг.; 1919 г.) (Новикова, 2022). В последующем шахский режим создал не очень крупные (менее 100 тысяч солдат и офицеров) ВС, «кирпичом» которых являлась дивизия (Христофоров, 2016: 210–212), а основным комплектатором – племена пуштунов (Слинкин, 2019). В 1960–е – 1970–е гг. осуществлялась модернизация ВС (без сколько-нибудь существенного роста численности): прежде всего, создание технических родов и видов войск (танковых, артиллерии и ВВС) (Христофоров, 2016: 210–212). Армия, будучи ведома офицерами левых взглядов, сыграла решающую роль в революциях 1973 и 1979 гг. (Слинкин, 2019), но не смогла пресечь

⁹ Antrag der Bundesregierung (2022) *Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode*. Drucksache 20/1761, 11.05: 5–9.

сползание страны к состоянию гражданской войны, обеспечить победу в ней официального Кабула. Во взаимодействии с ограниченным контингентом ВС СССР национальная армия не смогла, несмотря на ряд успехов, в целом разработать и реализовать эффективные контрповстанческие тактики. Возможности дивизий как звена не были использованы во многом из-за сложности набора достаточного числа мотивированных новобранцев, значительного уровня дезертирства (Христофоров, 2016: 214–294). Данные трудности проявились вновь в период деятельности *ISAF* и *RSM*.

Как и в большинстве других заморских владений Франции в то время, в Мали в конце XIX – первой половине XX вв. находились небольшие колониальные войска, предназначенные для решения местных задач. После объявления независимости в 1960 г. малийская армия в плане организации, численности и оснащённости слабо отличалась от предшественницы; проблемой становились восстания туарегов с их боеспособным племенным ополчением. Дополнение его соплеменниками из войск обрешенной Джамахирии, которые прибыли на оснащенных легким оружием и приспособленных к применению в полупустынной местности пикапах, имело катастрофические последствия для армии официального Бамако в 2012 г. Она была вытеснена с обширных провинций севера, понесла заметные потери (оставалось не более 5–6 тысяч боеспособных человек) (Мезенцев, 2014: 5–7), т.е. Мали столкнулась с угрозой обрушения государства.

Если в Афганистане к началу военно-тренировочной деятельности «западных демократий» с участием ФРГ имелся неудачный опыт построения и применения *среднекрупных* регулярных ВС, то в Мали ситуация была еще сложнее: при наличии аналогичных качественных проблем имелись лишь *малые* по численности ВС.

На первый взгляд, качественно иная ситуация имела место в случае Украины. Здесь уже в Новое время действовали в боевой обстановке и дислоцировались в мирное время массивы сил всех основных родов войск. Во времена СССР военные округа страны (например, Киевский в межвоенный период, Прикарпатский после Великой Отечественной войны) были мощными (Пронько, 2000; Чекмарев, 2000). Являясь органичной частью Российской империи, затем Советского Союза, жители рассматриваемых территорий были фактически носителями стратегической культуры, благодаря которой были одержаны победы над крупнейшими агрессорами в XIX веке (наполеоновская Франция) и XX веке (Третий рейх). В 1991 г. провозгласившие независимость власти в Киеве получили второй по мощи (после России) конвенциональный и даже ядерный потенциал (последний был ликвидирован к 1995 г.). Однако дезинтеграция отрицательно сказалась не только на мощи и численности ВСУ, но породила проблему кризиса стратегической культуры. Путем преодоления трудностей в условиях резкого роста количественных параметров ВС с 2014 г. и особенно с 2022 г. явилось обращение к методическим подходам «западных демократий». Но в ходе неудачного проведения наступления 2023 г. происходил вынужденный стихийный возврат к советским

методикам ведения боевых действий. Таким образом, в случае Украины имелся успешный опыт строительства крупномасштабных ВС на ее территории, но при обязательном условии ее интегрирования в «большие пространства» с направляющей ролью России.

Функционально в Афганистане и Мали речь шла об обучении западными инструкторами почти исключительно кадров для сухопутных войск, притом в основном (мото) пехоты, а также подразделений сил специальных операций (ССО). В обоих этих случаях в силу географии отсутствовали ВМС, а ВВС были достаточно слабыми. От ВСУ как минимум в первый в первый год деятельности *EUMAM* проходили подготовку также в основном наземные силы. Однако несоизмеримо большим среди обучаемых был удельный вес технических родов армии – танкистов, экипажей других видов бронетехники, артиллеристов¹⁰.

На момент запуска военно-тренировочной деятельности заметно различались **международные условия**, включая **приоритеты** в целом внешней политики самих «западных демократий». В Афганистане реорганизация ВС рассматривалась ими как часть антитеррористической борьбы (де-юре прежде всего с «Аль-Каидой»; де-факто и с «Талибаном») и, в более общем плане, усилий по обеспечению внутренней стабильности и целостности страны (Новикова, 2022). В Мали восприятие было практически идентичным (оппонентами здесь выступали «Ансар Ад-Дин», «Аль-Каида в Магрибе») (Мезенцев, 2014). Различия состояли в том, что хронологически почти вся деятельность *ISAF* проходила на фоне расценивания ФРГ, ее западными партнерами задач по урегулированию вооруженных конфликтов как ключевых в сфере безопасности и обороны, а сами МССБ считалась важнейшим вектором таких усилий¹¹. Уже чуть более года спустя учреждения *EUTM Mali* основным приоритетом было провозглашено «сдерживание» России, т.е. перенацеливание фокуса внимания с регионов в отдалении от зоны ответственности НАТО на ее передовую часть и прилежащие страны. На практике данные изменения осуществлялись не одномоментно, а в течение нескольких лет, означая постепенное, но неуклонное сокращение ресурсов, которые могла задействовать ФРГ в Афганистане (уже в период *RSM*) и Мали. Однако это правило имело важное исключение: не в пример войсковым частям оно не распространялось на военных инструкторов¹².

Отрезок между каждой парой близлежащих фактов – вынужденным окончанием деятельности *RSM* (июнь 2021 г.), *EUTM Mali* (де-юре апрель 2022 г.) и запуском *EUMAM* (декабрь 2022 г.) – составлял 7–9 месяцев. Три события стали реперными точками завершения перенацеливания ВС ФРГ на «сдерживание» РФ. Соответственно, заметно менялось **отношение** к рассматриваемой

¹⁰ *Bundeswehr* (2023) Germany – EUMAM UA. Available at: <https://www.bundeswehr.de/en/organization/further-fmod-departments/bundeswehr-homeland-defence-command/germany-eumam-ua> (accessed 25 November 2023).

¹¹ The Bundeswehr on operations (2009) Berlin, *Ministry of Defence*: 80–86.

¹² Antrag der Bundesregierung (2017) *Deutscher Bundestag*, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/21, 25.10: 2–6.

деятельности держав вне Запада, особенно *России*. В Афганистане до начала 2010-х гг. РФ оказывала опосредованную поддержку усилиям Запада в целом и ФРГ в особенности, разрешив ей авиа- и железнодорожные перевозки через свою территорию. Это резко облегчало ротацию и разноплановое снабжение группировки ФРГ в *ISAF*. Фактическое прекращение действия данных документов само по себе резко затруднило активность бундесвера в Афганистане, сказавшись на ее объемах.

На фоне развития конфронтации Запада с РФ она стала утверждаться в роли альтернативного «поставщика безопасности и стабильности» для растущего числа стран Сахаро-Сахельского региона, в т.ч. Мали. Использование здесь военных инструкторов-граждан России официальный Берлин воспринимал в начале 2020-х гг. весьма негативно, рассматривая как объект для «сдерживания»¹³.

Международно-правовая эгида и принятие ФРГ роли «рамочной нации»¹⁴

Важно понимание причин выбора того из основных *евро-атлантических институтов, под эгидой* которого разворачивалась *военно-тренировочная деятельность с участием ФРГ*. В случае обеих миссий в Афганистане – *ISAF* (с августа 2003 г.)¹⁵ и *Resolute Support* – это был Североатлантический альянс, *EUTM Mali* и *EUMAM* – Европейский союз. В двух крайних случаях реализовывалась формула «Берлин +» (2002): принятие руководства многосторонними усилиями ЕС там, где к этому не стремилась НАТО. В зонах нестабильности она ограничено (исключение – военно-воздушная операция в Ливии 2011 г.) была задействована в Африке, используя прежде всего на Среднем Востоке. В случае Украины обращение к механизму ЕС имело иное объяснение, учитывая огромную и функционально направляющую роль НАТО в «сдерживании» РФ. Так, именно под эгидой Альянса накапливалась и структурировалась в виде группировок лучшая, численно доминирующая часть многостороннего военного потенциала европейских «западных демократий»¹⁶. Они в целом (и ФРГ в особенности) двигались по пути ужесточения конфронтации с РФ, но стремились не допустить неконтролируемой эскалации, в том числе прямого вовлечения НАТО в конфликт. Поэтому наиболее чувствительные для России меры – подготовка кадров ВСУ, предоставление им различных вооружений и военной техники (ВиВТ), особенно тяжелых – осуществлялись не под эгидой Альянса. Для решения первой задачи использовались параллельно две

¹³ Antrag der Bundesregierung (2022) *Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode*. Drucksache 20/1761, 11.05: 5–9.

¹⁴ Термин означает, что в рамках многосторонней миссии одно из государств-участников принимало функции общей координации и вносило наибольший вклад.

¹⁵ Указана дата передачи управления миссией от ООН к НАТО.

¹⁶ NATO (2022) New NATO Force Model. 8 July. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf (accessed 25 November 2023).

миссии: *EUMAM* и *Interflex* (организована Великобританией), второй – формат «Рамштайн», реализовывались одно- (часть поставок от США и англо-саксонских стран) и двунациональные программы (Mills, 2023: 8, 33–35).

В контексте недопущения неконтролируемой эскалации логично, что **территориально** обучение кадров ВС Афганистана и Мали осуществлялось в самих этих странах, а Украины – в «западных демократиях».

Лидерские амбиции Берлина проявлялись в стремлении де-факто, при возможности и де-юре, играть **роль «рамочного государства»** («рамочной нации»). ФРГ являлась им для регионального командования «Север» *ISAF*, затем и *RSM* (зона ответственности – 9 провинций Афганистана)¹⁷. Для *EUTM Mali* формально роль «рамочной нации» поочередно выполнял ряд стран-участниц ЕС, но контингент бундесвера был наиболее крупным¹⁸. Штабы и крупнейшие тренировочные лагеря миссии *EUMAM* были развернуты на территории Германии и Польши¹⁹, т.е. здесь роль «рамочного государства» оспаривала у ФРГ Польша.

Количественные аспекты участия бундесвера в миссиях

Привести точные числовые данные по **вкладу бундесвера в конкретную военно-тренировочную миссию** иногда проблематично. В Афганистане в период *ISAF* военно-тренировочная деятельность и меры по обеспечению порядка и безопасности были объединены. Большая часть контингента бундесвера (таблица 1) приходилась на войсковые части и подразделения, а не на группы инструкторов и советников: их удельный вес едва ли превышал 20 %.

Таблица 1. Динамика численности контингента ФРГ в *ISAF* (2007–2014)²⁰

Table 1. Dynamics of German contingent in ISAF (2007–2014)

Месяц, год	V. 2007	IV. 2008	VI. 2009	VI. 2010	VI. 2011	V. 2012	VI. 2013	XII. 2013	IV. 2014	XI. 2014
Число военных	3 000	3 490	3 380	4 350	4 812	4 701	4 400	3 084	2 730	1 318

В случае *RSM* ситуация была противоположной: изначально почти весь контингент составляли инструкторы и советники (и штабной персонал); последующий прирост (таблица 2) приходился на них и подразделения ССО. Следовательно, численность обучающего военного персонала ФРГ в Афганистане на протяжении всех 2010-х гг. изменялась незначительно, располагаясь в диапазоне 0,8 – 1,0 тысячи человек или вблизи него.

¹⁷ The Bundeswehr on operations (2009) Berlin, *Ministry of Defence*: 80–81.

¹⁸ Antrag der Bundesregierung (2019) *Deutscher Bundestag*, 18. Wahlperiode. Drucksache 19/8971, 03.04: 2–6.

¹⁹ *Bundeswehr* (2023) Germany – EUMAM UA. Available at: <https://www.bundeswehr.de/en/organization/further-fmod-departments/bundeswehr-homeland-defence-command/germany-eumam-ua> (accessed 25 November 2023).

²⁰ Построено на основе: *NATO* (2021) *ISAF Placemats Archive*. Available at: <https://www.nato.int/cps/en/natolive/107995.htm> (accessed 25 November 2023).

Таблица 2. Динамика численности контингента ФРГ в RSM (2015–2021)²¹

Table 2. Dynamics of German contingent in RSM (2015–2021)

Месяц, год	V. 2015	VI. 2016	V. 2017	VI. 2018	VI. 2019	II. 2020	II. 2021
Число военных	850	980	980	1 300	1 300	1 300	1 300

Традиционно Бундестаг устанавливал «потолок» (максимально допустимое количество военнослужащих) каждого контингента на год (иногда меньше или чуть больше). В реальности численность личного состава обычно составляла 80–90%. На афганском направлении во второй половине 2010-х гг. имел место редчайший случай длительного совпадения «потолка» и фактической численности контингента, что свидетельствовало об исключительной важности данного вектора.

В Мали миссия *EUTM Mali* действовала уже отдельно от миротворческой *MINUSMA*. В середине 2010-х гг. «потолок» количества инструкторов бундесвера был увеличен почти вдвое, что объяснялось положительной оценкой первого опыта, стремлением охватывать подготовкой большую часть армии Мали. Деградация обстановки в стране в конце 2010-х гг. и приход к власти местных военных сопровождалась резкими увеличениями предельной численности контингента, финансирования вплоть до времени вынужденного вывода.

Таблица 3. Параметры участия ФРГ в деятельности *EUTM Mali*²²Table 3. Parameters of German participation in *EUTM Mali* activities

Период	«Потолок» контингента	Финансирование (млн. евро) (до 1.01 будущего года и далее)
1.03.2013 – 28.02.2014	180	13,5 = 11,3 + 2,2
1.03.2014 – 28.02.2015	250	17,2 = 14,3 + 2,9
1.03.2015 – 31.05.2016	350	24,0 = 16,0 + 8,0
1.06.2016 – 31.05.2017	300	20,8 = 12,1 + 8,7
1.06.2017 – 31.05.2018	300	24,4 = 14,2 + 10,2
1.06.2018 – 31.05.2019	350	36,5 = 21,3 + 15,2
1.06.2019 – 31.05.2020	350	40,8 = 23,8 + 17,0
1.06.2020 – 31.05.2021	450	89,5 = 52,2 + 37,3
1.06.2021 – 31.05.2022	600	117,5 = 66,8 + 50,7

Уникальность кейса *EUMAM* заключалась в том, что в Бундестаге не проводилось обсуждения мандата миссии. Это объяснялось тем, что она функционировала не вовне, но внутри ФРГ. В состав *EUMAM* были направлены рекордные 1,5 тысячи военных ФРГ. Это составляло 0,8 % от общей численности

²¹ Построено на основе: NATO (2021) RSM Placemats Archive. Available at: <https://www.nato.int/cps/en/natolive/107995.htm> (accessed 25 November 2023).

²² Построено на основе: Bundestag (2022) EUTM Mali. Available at: https://www.bundestag.de/ausschuesse/a12_verteidigung/auslandseinsaetze/auslandseinsaetze/eutm-mali-896888 (accessed 25 November 2023).

бундесвера. Показатель включал не только инструкторов, но и вспомогательный персонал – прежде всего, технических специалистов по обслуживанию танков, БТР, БМП и орудий, для подготовки личного состава ВСУ²³.

Часто сложно также представить точные количественные **данные об общем количестве обученных** именно германскими военными экспертами. Прежде всего, это объяснялось приверженностью ФРГ принципу мультилатерализма: усилия бундесвера «растворялись» в многосторонних действиях «западных демократий». В Афганистане в 2000-е гг. при ведущем участии бундесвера (вклад вносили также ВС ряда малых государств-членов НАТО) обучены 2 бригады из общего их числа в 21; в 2010-е гг. с учетом новых формирований эти показатели составляли соответственно 5 и 27 единиц (доля первого – 18,5%). Исходя из численности армии Афганистана к 2021 г. (171,5 тысячи человек²⁴), это составляло порядка 30 тысяч солдат и офицеров. В реальности показатель был больше с учетом погибших, дезертировавших, уволившихся по истечении срока службы. В Мали к началу 2020 г. было обучено 14 тысяч военнослужащих²⁵, из которых примерно половина была обучена инструкторами ФРГ. В целом на момент завершения работы *EUTM Mali* (2022) бундесвер едва ли сумел подготовить более 8-9 тысяч местных солдат и офицеров. В случае Украины как исключение были приведены точные данные по вкладу самой ФРГ, что вновь свидетельствовало об особой важности этого трека: к лету 2023 г. германские инструкторы подготовили 6,2 тысячи солдат и офицеров ВСУ (из общего числа обученных западными странами почти в 36 тысяч), а к 2024 г. 10,0 тысяч²⁶.

Представленные данные позволяют рассчитать **среднее ежегодное число обученных военными инструкторами ФРГ**. В Афганистане в 2010-е гг. этот показатель составлял порядка 3 тысяч, в Мали – примерно 1 тысячу, для Украины – до 10 тысяч военнослужащих.

Иллюстративен **удельный вес подготовленных «западными демократиями» войск от общей численности ВС**. Для Афганистана, где правительственная армия и в целом силовые структуры создавались с нуля, данный показатель составлял 100%. В Мали, принимая во внимание численность сухопутных войск (менее 20 тысяч на 2020 г.)²⁷, естественное обновление, боевые потери ВС на долю обученных *EUTM Mali* приходилось не более 50-60%. В ВСУ летом

²³ *Bundeswehr* (2023) Germany – EUMAM UA. Available at: <https://www.bundeswehr.de/en/organization/further-fmod-departments/bundeswehr-homeland-defence-command/germany-eumam-ua> (accessed 25 November 2023).

²⁴ *The Military Balance* (2021) London, Routledge. P. 240.

²⁵ Unterrichtung durch die Bundesregierung (2020). *Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode*. Drucksache 19/18080, 25.03: 13.

²⁶ *Bundeswehr* (2023) Germany – EUMAM UA. Available at: <https://www.bundeswehr.de/en/organization/further-fmod-departments/bundeswehr-homeland-defence-command/germany-eumam-ua> (accessed 25 November 2023).

²⁷ Unterrichtung durch die Bundesregierung (2020) *Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode*. Drucksache 19/18080, 25.03: 13.

2023 г. насчитывалось свыше 800 тысяч человек²⁸, т.е. подготовленные западными инструкторами войска (до 36 тысяч) составляли лишь 4,5%. Однако их доля в составе сил на фронте была заметно больше.

Значим аспект **сонаправленности обучения местных военных с развертыванием войсковых частей** ФРГ. На севере Афганистана находилась таковая в период деятельности *ISAF*. Силы контингента здесь (прежде всего, в провинциях Кундуз и Бадахшан) возросли с 1 – 1,5 расчетных батальонов в середине – второй половине 2000-х гг. до 3 – 5 таковых в начале 2010-х гг. (см. таблицу 1). Этот кратковременный рост численности служащих *ISAF* (примерно на 2 года) должен был позволить официальному Кабулу осуществить обучение массово набираемых кадров армии. При том дискуссионной оказалась эффективность германских частей «в поле»: они предпочитали передвигаться по известным маршрутам, слабо прочесывая обширные районы пересеченной местности, где постепенно накапливались силы и склады антиправительственных комбатантов. В случае *RSM* от бундесвера действовали лишь подразделения ССО.

В Мали в 2013–2015 гг. бундесвер вносил небольшой и невойсковой (лишь логистическая и медицинская поддержка партнеров) вклад в деятельность *MINUSMA* на севере Мали. В 2016–2023 гг. ФРГ резко нарастила контингент в составе *MINUSMA* (позапно «потолок» был увеличен со 150 до 650, затем 1000 и 1400 военнослужащих) (Tull, 2023). Бундесвер сосредоточился на охране и обеспечении функционирования базы «Лагерь Кастро» в Гао, проведении тактической разведки в интересах миссии²⁹. Однако в целом вновь «в поле» ВС ФРГ действовали ограниченно в плане объемов войск и активности.

Официальный Берлин исключал использование войсковых формирований на территории Украины, что означало бы состояние войны между государствами-членами НАТО и РФ. Речь шла об оказании ВСУ опосредованной поддержки, прежде всего по линии сил передового развертывания (СПР) Альянса в одноименной части зоны его ответственности в Восточной Европе.

Особенности организации обучения сухопутных сил с участием ФРГ

В смысле **оснащенности тяжелой техникой** (танками, БТР, БМП, артиллерией) почти все формирования армий Афганистана и Мали являлись «легкими», имевшими минимум единиц указанных видов ВиВТ. Бригады стратегического резерва ВСУ – «тяжелыми», в составе которых были многочисленные подразделения технических родов войск³⁰.

²⁸ ТАСС (2023) Умеров заявил, что численность армии Украины с февраля 2022 года выросла более чем втрое. 6 сентября. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18671311> (дата обращения: 25.11.2023).

²⁹ Antrag der Bundesregierung (2019) *Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode*. Drucksache 19/8972, 03.04: 7–9.

³⁰ РИА Новости (2023) «Указать русским их место»: как проявили себя подготовленные НАТО бойцы ВСУ. 19 сентября. Available at: <https://ria.ru/20230919/podgotovka-1897031813.html> (дата обращения: 25.11.2023).

В **организационно-штатном плане «кирпичом»** для армий Афганистана и Украины являлась бригада. В случае официального Кабула почти все соединения данного типа сводились в корпуса (по 2 – 5 бригад в каждом), это же положение относилось и к формированиям стратегического резерва ВСУ. Основными внутренними элементами самих бригад являлись батальоны (штат – 600 человек). Каждая бригада, подготовленная при участии инструкторов из государств-членов НАТО и ЕС, имела по 4 – 4,5 тысячи человек персонала³¹, т.е. соединение было «средним» по размеру. Этим формирования стратегического резерва отличались от других бригад ВСУ, которые имели не более 2 – 2,5 тысяч солдат и офицеров, т.е. являлись «малыми». В Мали «кирпичом» являлся батальон (штат – 650 человек)³², т.е. отсутствовали бригады и тем более корпуса.

Это объяснялось **размерами реорганизуемых армий**: в Афганистане они были среднекрупными (до 180 тысяч военнослужащих), в Мали оставались малыми (менее 20 тысяч человек), в Украине – крупными, особенно с начала 2022 г.

Еще более важным был критерий **(не)достаточности обученных войск для достижения планируемых целей**. В Мали в количественном отношении этот показатель был неудовлетворительным: менее 20 тысяч военных (с учетом тыловых служб) было критически мало для обеспечения мира и безопасности в стране площадью 1,28 млн квадратных километров (Tull, 2023). Войска официального Кабула численно существенно превосходили силы всех своих оппонентов, вместе взятых. ВСУ также имело количественное преимущество перед ВС России, особенно на передовой линии, к лету 2023 г. и тем более ранее. Проблема, однако, состояла в качестве войск. Афганская армия в течение июля – сентября 2021 г. фактически находилась в дезинтегрированном состоянии; кратковременное организованное сопротивление смогли оказать лишь части 209-го армейского корпуса (АК) в районе Мазари-Шарифа³³, подготовку которых вел бундесвер. Напротив, обученная его инструкторами 47-я механизированная украинская бригада «Магура» не только не смогла прорвать оборону российских ВС на запорожском направлении, но понесла даже большие, чем ряд других формирований из резерва, потери³⁴.

Для понимания данной разницы, которая видится парадоксальной на первый взгляд, необходимо оценить **состав костяка подготавливаемых с вовлечением бундесвера формирований** местного комплектования. В Афганистане в зоне регионального командования «Север» были созданы

³¹ РИА Новости (2023) "Указать русским их место": как проявили себя подготовленные НАТО бойцы ВСУ. 19 сентября. Available at: <https://ria.ru/20230919/podgotovka-1897031813.html> (дата обращения: 25.11.2023).

³² Рассчитано на основе: Antrag der Bundesregierung (2016). *Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode*. Drucksache 18/8090, 13.04: 4–5.

³³ Интерфакс (2021) Ожесточенные бои идут на северо-востоке Афганистана. 15 октября. Интерфакс. Available at: <https://www.interfax.ru/world/797474> (дата обращения: 25.11.2023).

³⁴ Российская газета (2023) "Военная хроника": ВС РФ разбили элитную бригаду ВСУ "Магура" у Работино. 23 октября. Available at: <https://rg.ru/2023/10/23/voennaia-hronika-vs-rf-razbili-ELITnuu-brigadu-vsu-magura-u-rabotino.html> (дата обращения: 25.11.2023).

два армейских корпуса (АК): 209-й (2 бригады; штаб в Мазари-Шарифе) и 217-й (3 бригады; управление в Кундузе), существенно различавшиеся по уровню боеспособности. 209 АК был развернут уже в 2000-е гг.³⁵, его основу составили бойцы «Северного альянса». Он состоял из узбеков и таджиков в одноименной части Афганистана и вел боевые действия с «Талибаном»* задолго до появления *ISAF*. Затем «Северный альянс» перешел в их подчинение, а его кадры были задействованы для формирования самых первых подразделений и частей армии официального Кабула. Поэтому в случае бригад 209 АК функции военных инструкторов сводились лишь к частичной реорганизации, дообучению уже достаточно опытных кадров. Таким образом, заслуга ФРГ в доведении частей корпуса до высокобоеспособного состояния на практике оказалась ограниченной. Вместе с тем, в отличие от самого «Северного альянса», 209 АК сумел организованно противостоять талибам* в 2021 г. лишь несколько недель, а не лет. Данный факт свидетельствовал отнюдь не в пользу результативности работы германских военных инструкторов в Афганистане.

Еще большие недостатки выявились в случае 217 АК. Он начал создаваться лишь с рубежа 2000-х – 2010-х гг. на севере: лучшие кадры уже влились в 209 АК. Как результат – 217-й корпус, несмотря на усилия инструкторов ФРГ, так и не был на практике доведен до боеспособного состояния. В 2015 г. корпус временно оставил Кундуз под давлением талибов*, а в 2021 г. вообще не смог оказать им заметного сопротивления.

В Мали основная масса военнослужащих (как оставшихся в строю к 2013 г., так и новобранцев) состояла из представителей этноплеменных групп западной части страны. Соглашения от 2015 г. предполагали, что в армию будут набираться также люди из освобожденных от радикальных НВФ районов, в т.ч. бывшие комбатанты из «умеренных» туарегов. На практике это положение почти не реализовывалось. Регулярные войска и часть населения на востоке и северо-востоке продолжали воспринимать друг друга как «чужих».

«Ядро» 9 бригад ВСУ, которые проходили обучение в лагерях подготовки западных инструкторов, состояло из представителей силовых ведомств помимо министерства обороны (прежде всего, полиции, пограничной охраны) и мотивированных новобранцев из западных областей Украины. Такой состав потенциально должен был обеспечить высокую боеспособность вновь созданных формирований. Однако на практике ни одна из этих бригад не смогла добиться тактического прорыва, не говоря уже о стратегическом.

Значимы **продолжительность курса подготовки** и его **содержание**. В Афганистане она изначально составляла: 10 недель – для рядовых, 25 недель – для унтер-офицерского и офицерского. К концу 2009 г. в условиях ускоренного создания массовой армии сроки сократились до 8 и 20 недель соответственно. В пределах столь короткого отрезка основное время отводилось на тренировки мелкими подразделениями (отделение, взвод, рота)³⁶. «Узкими местами» являлись, во-первых, «сколачивание» батальонов,

³⁵ Antrag der Bundesregierung (2010) *Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode*. Drucksache 17/654, 09.02: 6.

не говоря уже о бригадах; во-вторых, – индивидуальная подготовка, что было особенно важно для многих новобранцев с учетом их часто лишь начального образования. Однако на практике бойцы афганской армии демонстрировали неготовность действовать в одиночку или группами по несколько человек, особенно когда от них требовались нешаблонные шаги (обход, использование засады). Одновременно слабым оказывалось взаимодействие между войсковыми единицами внутри батальона и особенно бригады, что резко снижало эффективность использования масс войск на обширных пространствах в гористой и горной местности.

В Мали афганский опыт был учтен. Каждый из обучаемых батальонов выводился в тренировочные лагеря на срок в 12–16 месяцев. Происходило переформирование части с целью увеличения в ней числа «активных штыков» (за счет сокращения нестроевых) и придания им межэтнического характера: в одном отделении и взводе оказывались представители различных племен. Далее проводилась полноценная подготовка по схеме: индивидуальная – мелкие подразделения (до роты) – батальон. По завершении обучения части к части от Германии и Франции прикреплялись офицеры; они были интегрированы и в состав штабов различного уровня африканской страны³⁷.

В случае ВСУ имели место сжатые (от 5 до 10 недель) сроки подготовки персонала³⁸. Так произошло возвращение к афганскому опыту, обусловленное стремлением ускорить проведение наступления ВСУ и надеждами на намного более высокий уровень образованности в случае личного состава Украины. Однако на таком коротком отрезке едва ли оказалось возможно обеспечить «отлаживание» батальона и тем более бригады. Проблемой являлась также достаточная отработка тесного взаимодействия различных родов войск – прежде всего, (мото) пехоты с танками и тяжелой артиллерией.

Примечательны *тактики использования обученных войск в боевых условиях*. В Афганистане и Мали они действовали обычно БТГ, многие из которых «распылялись» мелкими подразделениями. Эта тактика оказалась ограниченно результативна (до времени вывода войск, особенно ССО, «западных демократий») для горного ландшафта Афганистана, еще менее эффективна – в условиях полупустынь и саванн Мали (Сидоров, 2022: 96–98). В обоих случаях противником являлись технически слабо оснащенные, часто более чем условно регулярные отряды. Они использовали в основном повстанческие тактики, но были способны к наступлению с созданием сплошного фронта в ситуации развала правительственных войск – официального Бамако (в 2012 г.) или Кабула (лето 2021 г.).

Не столь очевидны, однако значимы проявившиеся «узкие места» самой подготовки ВСУ, которые действовали против насыщенных тяжелыми ВиВТ регулярных ВС России, способных к различным формам действий в условиях

³⁶ Antrag der Bundesregierung (2010) *Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode*. Drucksache 17/654, 09.02: 6.

³⁷ Antrag der Bundesregierung (2019) *Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode*. Drucksache 19/8971, 03.04: 5.

³⁸ *Bundeswehr* (2023) Germany – EUMAM UA. Available at: <https://www.bundeswehr.de/en/organization/further-fmod-departments/bundeswehr-homeland-defence-command/germany-eumam-ua> (accessed 25 November 2023).

протяженного сплошного фронта. В то время как западные инструкторы готовили стратегический резерв ВСУ, следуя во многом «в колее» схем, разработанных в Афганистане и Мали, применительно к другим реалиям. Войска официального Киева не были подготовлены к действиям крупными массами, а вводились в дело малыми партиями в расчете нащупать слабое место в обороне и уже в случае выхода на оперативный простор ввести единовременно более крупные силы. Однако данная тактика «малых атак» так и не позволила наступающим достичь «аккумулирующего эффекта»: ввод в дело бригад порознь, тем более подразделений внутри них, на практике облегчал борьбу с ними. Тем самым на реалии борьбы крупных вооруженных сил был экстраполирован неудачный опыт использования контрповстанческих методов, способов боевых действий с отсталым в плане оснащенности и регулярности своих войск оппонентом.

* * *

Потенциально активное вовлечение в подготовку ВС страны, особенно остро нуждавшейся в этом, открывало относительно малозатратный (в плане расходования различных видов ресурсов) сценарий долгосрочного стратегического закрепления в ней. *На практике*, однако, данный вариант представлял разноаспектную проверку умений и навыков принявшего такую ответственность государства. Особенно сложным ее несение было в ситуации, когда реформа сектора безопасности являлась (или рассматривалась) составной частью процесса урегулирования вооруженного конфликта в стране происхождения. Это имело место во всех трех рассмотренных кейсах.

Старт участия ФРГ в каждом новом треке военно-тренировочной деятельности был во многом детерминирован стремлением компенсировать состоявшиеся или намечавшиеся неудачи на предыдущем: наиболее заметно это было на примере миссий *EUMAM*, завершенных пред тем *EUTM Mali* и *RSM* (как преемницы *ISAF*). Суммарно из числа ВС «западных демократий» один только бундесвер к 2024 г. подготовил порядка 50 тысяч военнослужащих – эквивалент сухопутных сил для среднего по размерам государства. Однако во всех трех случаях результат оказался неудачным или как минимум не тем, что ожидался: это развал армии (в Афганистане), утрата над ней контроля (в Мали), невозможность обученных войск достичь поставленных задач (на Украине). ФРГ в числе других «западных демократий» оказалась действующей «в колее» не только в выборе схем подготовки (то есть на практике недостаточного учета специфики требований к подготовке в каждом случае), но и результатов этого процесса. Низкая эффективность была тем чувствительнее, что Германия стремилась играть роль «рамочного государства» на рассмотренных треках. Показателен рост не только масштабов приложенных усилий, но и неудач, их заметности в ситуации, когда официальный Берлин все более открыто мыслил в парадигме Запад – не-Запад при проведении реформ ВС внешних акторов.

Список литературы

1. Мезенцев С.В. (2014) Внутренние и международно-политические аспекты кризиса в Мали и французская операция «Сервал». *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика* 1: 3–28.
2. Новикова О.Н. (2022) Четвертая афганская война Великобритании. *Актуальные проблемы Европы* 4: 213–233. DOI: 10.31249/ape/2022.04.09.
3. Пронько В.А. (2000) Военная стратегия после Второй мировой войны. *История военной стратегии России*. М., Полиграф-ресурсы: 377–485.
4. Сидоров А.С. (2022) Военно-политический баланс возможностей Франции в Сахеле: этапы и механизмы выхода с ТВД. *Актуальные проблемы Европы* 4: 79–108. DOI: 10.31249/ape/2022.04.04.
5. Слинкин М.Ф. (2019) *Афганские встречи и беседы*. М., МБА, 210 с.
6. Христофоров В.Ф. (2016) *Афганистан. Военно-политическое присутствие СССР 1979–1989 гг.* М., ИРИ РАН, 544 с.
7. Чекмарев Г.Ф. (2000) Военная стратегия в Великой Отечественной войне. *История военной стратегии России*. М., Полиграф-ресурсы: 255–376.
8. Glatz R., Kaim M. (2020) Mandat verlängern – Abzug vorbereiten. *SWP-Aktuell* 18: 1–4. DOI: 10.18449/2020A18.
9. Mills C. (2023) *Military assistance to Ukraine since the Russian invasion*. London: House of Commons Library. 69 p.
10. Tull M. (2023) VN-Krisenmanagement in Mali. *SWP-Aktuell* 22: 1–5. DOI: 10.18449/2023A22.

Comparative Politics. Volume 15. No. 2. April–June / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-2-15-5

FEATURES OF GERMANY'S PARTICIPATION IN TRAINING OF AFGHAN, MALIAN AND UKRAINIAN ARMIES

Dr. Philipp O. TRUNOV – Leading Research Fellow, Department of Europe and America, INION RAS.

ORCID 0000-0001-7092-4864. E-mail: 1trunov@mail.ru
Nakhimovsky Prospekt 51/21, Moscow, 117418.

Received November 27, 2023 Accepted May 20, 2024

Abstract: the participation of the state in the training of personnel of the armed forces (AF) of another country is a way to ensure a long-term strategic presence in it. But there are high image and practical risks connected with refusal of the recipient country from foreign military instructors, advisers. The article tries to explore the features of the usage of such instrument by Germany on the example of the training of land forces of Afghanistan, Mali and Ukraine. The cases are the missions *ISAF* (2002–2014) and *Resolute Support* (2015–2021), *EUTM Mali* (2013–2022), *EUMAM* (since December 2022). The author uses 25 criteria divided into 5 groups for the comparative analysis, using the theory of armed forces building.

The paper issues the historic features of the functioning of national armed forces at the territory of three countries, also strategic priorities of the Western democracies during the period of activity of the missions and attitude towards each one from Russia. The reasons of the choice of NATO or

the EU for each mission is explained. Also, the author presents the quantitative parameters of the Bundeswehr usage in the cases, different numbers of the trained troops. The important parameters are the features of the organization of them, their composition, timings and schedules of the process, the tactics of combat usage. The research paper concludes about Germany's desire for the compensation of the losses of former military training tracks by the launch of the new one.

Keywords: Germany, Bundeswehr, instructors, advisers, personnel training, reform, military presence, NATO, EU, confrontation, Russia

References:

1. Chekmarev G.F. (2000) Voennaja strategija v Velikoj Otechestvennoj vojne [The military strategy during the Great Patriotic war]. *Istorija voennoj strategii Rossii [The history of Russia's military strategy]*. Moskva, Poligraf-resursy: 255–376. (In Russian).
2. Glatz R., Kaim M. (2020) Mandat verlängern – Abzug vorbereiten. *SWP-Aktuell* 18: 1–4. DOI: 10.18449/2020A18.
3. Hristoforov V.F. (2016) *Afganistan. Voenno-politicheskoe prisut-stvie SSSR 1979–1989 gg. [Afghanistan. Military-political presence of the USSR 1979–1989]*. Moskva, IRI RAN, 544 p. (In Russian).
4. Mezentssev S.V. (2014) Vnutrennie i mezhdunarodno-politicheskie aspekty krizisa v Mali i francuzskaja operacija «Serval» [Domestic and international political aspects of the crisis in Mali and the French operation Serval]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika [Bulletin of Moscow State University. Series 25. International relations and World politics]* 1: 3–28. (In Russian).
5. Mills C. (2023). *Military assistance to Ukraine since the Russian invasion*. London: House of Commons Library. 69 p.
6. Novikova O.V. (2022) Chetvertaja afganskaja vojna Velikobritanii [Britain's Fourth Afghan war]. *Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]* 4: 213–233. DOI: 10.31249/ape/2022.04.09. (In Russian).
7. Pron'ko V.A. (2000) Voennaja strategija posle Vtoroj mirovoj vojny [The military strategy after World War II]. *Istorija voennoj strategii Rossii [The history of Russia's military strategy]*. Moskva, Poligraf-resursy: 377–485. (In Russian).
8. Sidorov A.S. (2022). Voenno-politicheskij balans vozmozhnostej Francii v Sahele: jetapy i me-hanizmy vyhoda s TVD [The military-political balance of France's capabilities in the Sahel: stages and mechanisms of exit from the theater of operations]. *Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]* 4: 79–108. DOI: 10.31249/ape/2022.04.04. (In Russian).
9. Slinkin M.F. (2019) *Afganskije vstrechi i besedy [Afghan meetings and conversations]*. Moskva, MBA, 210 p. (In Russian).
10. Tull M. (2023) VN-Krisenmanagement in Mali. *SWP-Aktuell* 22: 1–5. DOI: 10.18449/2023A22.